УДК 303.01

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» КАК ИСТОЧНИК КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПЛЮРАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСЛАМСКОГО ВОСТОКА

Исаков Александр Сергеевич,
Института философии и права
Уральского отделения Российской
академии наук,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация
В статье рассматриваются актуальные подходы к изучению политических процессов в исламском мире. Подчеркивается необходимость их изменения после событий так называемой «Арабской весны». Акцент сделан на анализе исследовательского потенциала двух традиционных подходов к политическим исследованиям исламского мира. Во-первых, это универсалистский подход. Во-вторых, цивилизационный подход. Приводится их историческое обоснование и анализ современного состояния. Кроме того, в статье затрагивается ряд новых подходов, например, логико-смысловой. Результатом исследования стало выделение авторского подхода, предполагающего анализ мазхаба как основы для политических изменений.

Ключевые понятия:
политический ислам,
шииты,
сунниты,
ДАИШ,
«Арабская весна»,
мазхаб,
универсалистский подход,
мир-системный подход,
цивилизационный подход,
логико-смысловой подход.

Политические события последних лет, называемые «Арабской весной», оказали смыслообразующее влияние на политические исследования стран исламского Востока. Порождённые чередой революций, политические процессы, новые угрозы мирового порядка поставили вопрос об актуальности принятых в отечественной и западной науке исследовательских подходов к изучению политического ислама, то есть использования религии как источника политического развития.

Подобная проблема отмечается многими отечественными и зарубежными экспертами. Так, например, была выдвинута точка зрения, что среди зарубежных исламоведов, отчасти, бытовал детерминизм исламизма, предполагавший объяснения любых политических процессов исключительно через его призму [17]. При этом отмечается, что в практическом преломлении аксиологией исламизма не исчерпывается объём той политической повестки, которую принесли события «Арабской весны». Если ранее, в большей мере, господствовал тезис о том, что единственной преградой политического ислама являются светские авторитарные режимы, то после их падения в некоторых странах, самым ярким кейсом из которых стал Египет, политическая реальность четко показала неспособность аутентично исламистских сил к управлению государством [14].

Контртезис данному примеру, однако, составляет исторический факт успеха исламской революции в Иране. На этот счет отмечается, что если в арабском мире артикуляция идеями исламизма заполнила вакуум кризиса арабского национализма, то критерием успеха Исламской Республики Иран стала способность адаптации дореволюционных структур к социальным потребностям общества, что не смогли сделать египетские исламисты [17]. В свою очередь, это позволяет сделать вывод, что подход, основанный на использовании исламизма в качестве исследовательского универсума, не позволяет исчерпывающе проводить политические исследования, прогнозировать и объяснять те или иные политические изменения.

Под «Арабской весной» понимается вызванная гражданскими протестами череда политических изменений, произошедших в большинстве стран исламского Востока с конца 2010 года. При этом подразумевается наличие двух фаз «Арабской весны»: активной и пролонгированной. Активная фаза включает в себя период с конца 2010

до середины 2012 года. Хронологические рамки обусловлены началом политических протестов в Тунисе в конце 2010 года, инициированных самосожжением Мохаммеда Буазизи и приходом к власти в Египте президента Мухаммеда Мурси, что стало последним крупным политическим изменением в пространстве Ближнего Востока. Пролонгированная фаза включает в себя как вышеуказанные события, так и инициированные в ее ходе процессы, актуальные по сей день. В большей степени к данным процессам относятся побочные явления возникшей политической дивергенции в ряде стран региона, крайним выражением чего являются вооруженные конфликты в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии. В данной статье рассматриваются как непосредственные события активной фазы, так и существующие на сегодня политические процессы пролонгированной.

Традиционные подходы к изучению политических процессов в отечественном дискурсе, в большей степени, основаны на традиции диалектического описания политических процессов в рамках религиозных отличий, преподносимых основными направлениями исламской веры – суннизмом и шиизмом. Наиболее релевантные исследования в российском измерении политического исламоведения представлены в работах А. Малашенко [5], Г. Мирского [6], Е. Сатановского [7]. Работы названных авторов составляют фундаментальное ядро отечественных исследований политического ислама. Ими была сформирована современная логика и философия изучения ислама, повлиявшая на характер всех производимых исследований. При этом остается ряд исследовательских вопросов, поставленных актуальными вызовами исламского мира, на которые еще предстоит ответить. Самым важным является вопрос разработки новых подходов к политическим исследованиям исламского Востока, основанных как на ситуативных эвристических концепциях, так и на новом уровне локализации исследования, отходящего от традиционного противопоставления суннитов и шиитов.

На сегодняшний день около 85% всех мусульман являются суннитами, 15% – шиитами. Несмотря на статус меньшинства, последние интенсивно актуализируют свою аксиологическую роль в рамках уммы. Катализатором подобного послужили процессы «Арабской весны», породившие две диаметрально противоположные тенденции.

С одной стороны, в рамках суннитского большинства наметилась политическая и аксиологическая дивергенция. Ее следствием стало появление различных подходов у крупных суннитских держав к событиям актуальной повестки, к коим можно отнести Сирийский кризис, военный конфликт в Йемене и условную конкуренцию за место лидера исламского мира, освободившееся после ослабления Египта.

Потенциальные лидеры – Турция и Саудовская Аравия, при поддержке собственных лимитрофов, предлагают суннитам различную политическую повестку. В качестве антагонизма обеим силам выступает запрещенная в России террористическая группировка «Исламское Государство», или ДАИШ, являющаяся кульминацией выражения этатистской ортодоксии. При этом увеличение силы группировки играет на руку иным игрокам Ближнего Востока, в частности – Катару, политический курс которого зачастую отклоняется от саудовского мейнстрима.

С другой стороны, наблюдается конвергенция и расширение шиитского присутствия и его влияния в исламской умме. Кроме традиционной поддержки Сирийского алавитского режима и Хезболлах в Ливане, Исламская Республика Иран усиливает свои международные позиции по другим направлениям. Это отражается как в оказании содействия политическим целям йеменских зейдитов, а в перспективе – сторонникам свободного Неджда, Хиджаза, шиитскому сепаратизму северо-востока Аравийского полуострова и Бахрейна, так и в условном успехе на переговорах по ядерной проблеме.

Наличие данных тенденций создает предпосылки для академического плюрализма политических исследований, выходящих за рамки имеющихся подходов. Однако для четкого формулирования исследовательских задач, нужно обратиться к делимитации и обобщению имеющегося научного дискурса, для чего можно воспользоваться подходом, предложенным член-корреспондентом РАН А.В. Смирновым: «Сегодня в арабистике (и исламоведении, да и востоковедении в целом) доминируют два подхода, которые не просто связаны, но являются прямыми продолжениями соответствующих позиций в философии истории и в понимании путей развития человеческого общества, человеческой культуры. Я имею в виду универсалистский подход, универсалистское прочтение, с одной стороны, и то, что называется цивили-

зационным подходом, с другой» [8, с. 23]. С помощью данного подхода аналогично могут быть охарактеризованы научные изыскания в области политических исследований исламского Востока.

Универсалистская методология в политических исследования исламского Востока предполагает рассмотрение объекта исследования, в роли которого выступают страны исламского Востока как части глобального мира. В качестве предмета исследования могут выступать возникающие отклонения и особенности политического процесса, а также пути их нивелирования, возникающие при включении изучаемой страны в процесс глобализации.

Использование универсализма предполагает ряд фундаментальных методологических оснований. В его контексте процессы глобализации, имеющие вестерналистский характер, понимаются как объективные и необратимые. В качестве цели любых изучаемых политических изменений исследователь полагает унификацию качественных характеристик политической системы исследуемого государства и стран-лидеров мирового развития.

Практика использования универсалистской методологии в политических исследованиях имеет значительную ретроспективу. Условно, в рамках универсализма, можно выделить два обособленных направления. Во-первых, это наиболее консолидированная методология мир-системного анализа, в большей степени являющаяся частью неомарксизма. Во-вторых, это широкий репертуар западных исследований в области транзитологии, актуализация которых произошла в начале 90-х годов XX века после распада Союза ССР. Основные различия данных субподходов заключаются в том, что понимание универсализма со стороны транзитологии основано на анализе конвергенции как феномена имеющего презумпцию прогресса. В то же время, сторонники мир-системного подхода основываются на анализе роли стран центра – лидеров экономического развития как законодателей мирового политического процесса, пролонгирующих выгодный им характер политических изменений.

Эвристическая основа институциональных рамок для современных универсалистских исследований в области транзитологии и сопряженных с ней ответвлений политических исследований исламского Востока заложена польским социологом Петром Штомпкой и американским футурологом Фрэнсисом Фукуямой. Вклад П. Штомпки заключается в методологической натурализации теории конвергенции к условиям необходимости адаптации постсоветских политий в рыночную экономику с помощью либерального инструментария [12, с. 171]. К заслугам Ф. Фукуямы относится методологический толчок рассмотрения западной капиталистической модели государства в качестве универсума политического развития [10, с. 39].

Основными представителями мир-системного подхода, оказавшими наибольшее влияние на политические исследования, являются основатель подхода американский социолог Иммануил Валлерстайн и египетский политолог Самир Амин. В работах И. Валлерстайна появляется идея поиска путей придания универсальности характеру политического развития мусульманских стран для их интеграции в мир-экономику западного мира, критическим условием которой является рецепция либерализма [2, с. 34]. В своих работах С. Амин подчеркивает принудительный характер универсализма и рассматривает мусульманский мир в качестве вынужденного реципиента западной культуры и капиталистической экономики [1, с. 33].

Общим для любых исследователей, использующих универсалистский подход, является изучение мусульманских стран с точки зрения их конвергентного потенциала со странами-лидерами мирового развития. В данном подходе могут игнорироваться автохтонные особенности мусульманских стран ввиду того, что методологией предполагается обязательная рецепция исследуемых государством западных ценностей как критерия эффективного социально-политического развития.

Цивилизационный подход основан на исследовании мусульманского мира с позиции социокультурных особенностей политического процесса. В свою очередь это предполагает наличие значимых социокультурных отличий между объектом исследования, в роли которого выступает исламская восточная полития, и средой нахождения исследователя. Основу для данного подхода в политических исследованиях составляет политическая антропология.

Популяризация цивилизационного подхода в западном академическом дискурсе произошла под влиянием работ американского политолога Сэмюэля Хантингтона. Им был привнесен тезис об априорной антагонистической природе взаимоотношений между цивилизациями. Из его работ проистекает неизбежность конфликта

западной и мусульманской цивилизаций. Автор рассматривает исламский радикализм сквозь призму реакции на экспансию западного образа жизни, предполагая, что все вновь возникающие угрозы на почве экстремального ислама носят сугубо культурологический характер [11, с. 14–15].

Также цивилизационный подход является превалирующим в отечественном академическом дискурсе. Так, в фундаментальной работе востоковеда А.А. Игнатенко исламская цивилизация рассматривается в качестве зеркального отражения западной [4, с. 168]. Проецируя данный подход в русло политологического инструментария, можно заключить, что страны исламского Востока могу быть рассмотрены как трансцендентное выражение идеи «Востока», являющейся полным антагонизмом идеи «Запада».

Таким образом, цивилизационный подход основан на изучении мусульманских стран сквозь призму антропологических особенностей и культурного аутентизма. Исламский мир рассматривается в качестве единого изучаемого объекта, где все общие свойства характеризуют каждую составляющую его часть. Цивилизационный подход в политологии предполагает неизбежным наличие антагонистических отношений между исламским и западным миром. Локализация исследований подразумевает анализ различий внутри мусульманской уммы, раскрывающихся как традиционный конфликт суннитов и шиитов, осуществляющий развитие политического действия и провоцирующий самоактуализацию политико-религиозных интересов обеих сторон.

Оба рассмотренных подхода имеют устоявшуюся мощную исследовательскую традицию, однако, на сегодняшний день, не объясняют полностью содержание политического процесса. Соответственно, под влиянием «Арабской весны», события пролонгированной фазы которой еще не завершились, становится очевидной необходимость постановки новых подходов политических изысканий в отношении исламского Востока. На становление таких подходов могут оказать влияние следующие дефиниции:

во-первых, разработка нового уровня локализации политических исследований. Изыскания в отношении отдельных режимов, политий или течений веры не позволяют воспроизвести реальную картину функционирования политического процесса в исламском мире, имеющего асимметричный и внеинституциональный характер;

во-вторых, отказ от рассмотрения исламского мира как единого целого. На сегодняшний день исламский мир находится в состоянии крайней дивергенции, и составляющие его страны не имеют консолидированной аксиологической платформы. Также, учитывая стремление к добровольной автаркии, исламский мир не в полной мере является частью общемировой цивилизации;

в-третьих, отказ от агональной парадигмы. Исходящая со стороны исламского экстремизма актуальная угроза не является естественным продуктом мусульманского общества и рассматривается самими мусульманскими странами как кризисное явление. При этом западная культура и западный образ жизни не оцениваются всеми странами исламского мира как потенциальный вызов.

На основе данных посылов формируется несколько новых подходов, охватывающих современную проблематику исламских исследований. Что характерно, отечественный академический дискурс содержит большее количество институциональных альтернатив, способных стать полноценной эвристической платформой для будущего данного направления в политической науке; в то время как западные исследователи концентрируются на рефлексии произошедших событий и адаптации к ним традиционных подходов, открывающих дорогу не столько к прогнозированию, сколько к использованию политического конструктивизма.

Одним из актуальных подходов в рамках отечественной науки является логико-смысловой подход член-корреспондента РАН А.В. Смирнова [8, с. 29]. Подход основан на сочетании универсалистского и цивилизационного подходов и основывается на особой форме деконструкции смыслов, закладываемых в научные исследования. В частности, предполагается особое понимание культуры с позиции содержащихся в ней смыслов, их интерпретации и создания универсалий для описания, а также поиска соотносимых смыслов в рамках других культур, в частности, той культуры, к которой принадлежит исследователь. Любые получаемые в рамках изыскания смыслы раскладываются на структурные элементы и анализируются отдельно. Для получения практических выводов используется формирование механизмов смыслополагания, осуществляющих детерминацию исследуемых смыслов.

Также подчеркнуто актуальными остаются любые подходы, отказывающиеся от

противопоставления суннитов и шиитов, и предлагающие иной уровень локализации исследований. Подобная локализация может быть достигнута с помощью выделения новых критериев для политического анализа. Потенциальный вариант – процесс легитимации политических изменений как основа для политического развития. Прежде всего, политические изменения и процесс их превращения в воспроизводимые практики локализует исследования в соответствии с действительностью, игнорируя догматическую привязку к течению веры. Далее, при таком подходе исламский мир не представляется в виде единого целого и может быть свободно стратифицирован на необходимое количество фрагментов. Кроме того, подобный подход не предполагает конфронтационный характер, снимая проблему эмоциональной коннотации, акцентируя внимание на режиме функционирования политического процесса.

Поскольку основным инструментом легитимации политических изменений в несекулярных обществах является религия, именно в ее стезе может быть выработан новый подход. В случае с исламом на процессы, связанные с политическими изменениями, оказывает значимое влияние правовая школа – мазхаб. Именно мазхаб содержит перечень процедур, с помощью которых рядовому мусульманину объясняется смысл конкретных политических изменений и придается мотивационно-аксиологическая коннотация.

На сегодняшний день в исламе остаются актуальными пять основополагающих мазхабов: ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский – в суннизме; джафаритский – в шиизме. Каждый из приведенных мазхабов ранжируется согласно уровню внутреннего модернистского потенциала и оказывает специфическое влияние на возможность и характер политических изменений как таковых.

При этом стоит отметить, что предлагаемый вариант локализации предполагает не анализ религиозных отличий правовых школ и их носителей, а их системообразующее влияние на общество исследуемого государства вне зависимости от того, являются ли отдельные индивиды их реципиентами. В государстве может быть официально признано несколько мазхабов, а элита, как например в Сирии, может принадлежать к другой вере, но как инструмент легитимации политических изменений, на уровень бытового сознания, используется только одна правовая школа.

Преимуществом данного подхода является возможность описать специфику механизма легитимации политических изменений в обществе в целом, исключая индивидуальные факторы. В дальнейшем эта специфика экстраполируется на общее видение государством политических процессов и обуславливает конкретные действия как в формировании вектора внутренней политики, так и в рамках взаимодействия с соседями и действий на международной арене.

Кроме того, это позволит выделить закономерности повестки, закладываемой в политические изменения в странах с одинаковым доминирующим мазхабом. При этом подразумевается не констатация близости политической повестки, а именно схожая процедура легитимации будущих изменений, объяснения их необходимости обществу, их общая политическая ориентация и концептуальная основа. Именно эта возможность делает мазхаб перспективным источником для интерпретации и прогнозирования политического развития стран исламского Востока.

Таким образом, актуальная картина политических исследований исламского Востока после «Арабской весны» многогранна. Как в отечественной, так и в зарубежной науке существует посыл на формирование новых подходов, способных охватить политическую повестку современных мусульманских стран. С одной стороны, это создает методологические бреши в науке. С другой – открывает дорогу плюрализму, способному разрушить традиционное доминирование двух основных подходов, универсалистского и цивилизационного, и их ответвлений.

1. Амин, С. Вирус либерализма [Текст] / С. Амин. М.: Европа, 2007. 168 с.
2. Валлерстайн, И. После либерализма [Текст] / И. Валлерстайн. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
3. Долгов, Б.В. Динамика «Арабской весны»: переходный этап [Электронный ресурс] / Б.В. Долгов // Институт востоковедения РАН. 01.04.2013. URL: http://www.ivran.ru/publications/228 (дата обращения: 23.09.2015).
4. Игнатенко, А.А. Зеркало ислама [Текст] / А.А. Игнатенко. М.: Русский институт, 2004. 216 с.
5. Малашенко, А.В. Исламская альтернатива и исламский проект [Текст] / А.В. Малашенко. М: Весь Мир, 2006. 223 с.
6. Мирский, Г.И. «Арабская весна» – туманы и тревоги [Текст] / Г.И. Мирский // Россия в глобальной политике. 2013. №2. С. 45–56.
7. Сатановский, Е.Я. Революция и демократия в исламском мире [Текст] / Е.Я. Сатановский // Россия в глобальной политике. 2011. №1. С. 16–29.
8. Смирнов, А.В. Каким может быть философское исламоведение? Универсалистский, цивилизационный, логико-смысловой подходы [Текст] / А.В. Смирнов // Исламская философия и философское исламоведение: перспективы развития. М.: Языки славянских культур. 2012. 128 с.

9. Фитуни, Л.Л. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» [Текст] / Л.Л. Фитуни, И.О. Абрамова // Азия и Африка сегодня. 2014. №12. С. 5–10.
10. Фукуяма, Ф. Америка на распутье [Текст] / Ф. Фукуяма. М.: АСТ, 2008. 288 с.
11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. М.: АСТ, 2003. 603 с.
12. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. М: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
13. Arrighi, G. The long twentieth century: money, power, and the origins of our times [Text] / G. Arrighi. London: Verso. 1994. 400 p.
14. Gunning, J. Why Occupy a Square?: People, Protests and Movements in the Egyptian Revolution [Text] / J. Gunning, I.Z. Baron. London: Hurst. 2013. 256 p.
15. Robinson, L. An Assessment of the Counter-ISIL Campaign [Text] / L. Robinson. Santa Monica: RAND Corporation, 2015. 13 p.
16. Salmoni, B.A. Regime and Periphery in Northern Yemen: The Huthi Phenomenon [Text] / B.A. Salmoni, B. Loidolt, M. Wells. Santa Monica: RAND, 2010. 382 p.
17. Stein, E. Studying Islamism after the Arab Spring [Text] / E. Stein // Mediterranean Politics. 2014. Vol. 19. No. 1. P. 149–152.
18. Tibi, B. Political Islam as a forum of religious fundamentalism and the religionisation of politics: Islamism and the quest for a remaking of the world [Text] / B. Tibi // Totalitarian Movements and Political Religions 2009. No. 10. P. 97–120.

References

1. Amin S. (2007) Virus liberalizma. Moscow, Evropa, 168 p. [in Rus].
2. Vallerstajn I. (2003) Posle liberalizma. Moscow, Editorial URSS, 256 p. [in Rus].
3. Dolgov B.V. Institut Vostokovedenija RAN. 01.04.2013, available at: http://shhshhshh.ivran.ru/publications/228 (accessed: 23.09.2015). [in Rus].
4. Ignatenko A.A. (2004) Zerkalo islama. Moscow, Russkij institut, 216 p. [in Rus].
5. Malashenko A.V. (2006) Islamskaja al'ternativa i islamskij proekt. Moscow, Ves' Mir, 223 p. [in Rus].
6. Mirskij G.I. (2013) *Rossija v global'noj politike,* no. 2, pp. 45–56 [in Rus].
7. Satanovskij E.Ja. (2011), *Rossija v global'noj politike*, no. 1, pp. 16–29 [in Rus].
8. Smirnov A.V. (2012) Kakim mozhet byt' filosofskoe islamovedenie? Universalistskij, civilizacionnyj, logiko-smyslovoj podhody. Islamskaja filosofija i filosofskoe islamovedenie: perspektivy razvitija. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 128 p. [in Rus].
9. Fituni L.L., Abramova I.O. (2008) *Azija i Afrika segodnja,* no. 12, pp. 5–10 [in Rus].
10. Fukujama F. (2008) Amerika na rasput'e. Moscow, AST, 288 p. [in Rus].
11. Hantington S. (2003) Stolknovenie civilizacij. Moscow, AST, 603 p. [in Rus].
12. Shtompka P. (1996) Sociologija social'nyh izmenenij. Moscow, Aspekt Press, 416 p. [in Rus].
13. Arrighi G. (1994) The long twentieth century: money, power, and the origins of our times. London, Verso, 400 p. [in Eng].
14. Gunning J., Baron I.Z. (2013) Why Occupy a Square?: People, Protests and Movements in the Egyptian Revolution. London, Hurst, 256 p. [in Eng].
15. Robinson L. (2015) An Assessment of the Counter-ISIL Campaign. Santa Monica, RAND Corporation, 13 p. [in Eng].
16. Salmoni B.A., Loidolt B., Wells M. (2010) Regime and Periphery in Northern Yemen: The Huthi Phenomenon. Santa Monica, RAND, 382 p. [in Eng].
17. Stein E. (2014) *Mediterranean Politics*, vol. 19, no. 1, pp. 149–152 [in Eng].
18. Tibi B. (2009) *Totalitarian Movements and Political Religions,* no. 10, pp. 97–120 [in Eng].

UDC 303.01

"ARAB SPRING" AS A SOURCE OF CONCEPTUAL PLURALISM IN POLITICAL STUDIES OF ISLAMIC EAST

Isakov Aleksander Sergeevich,
Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Post-graduate Student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation
The article considers currently important approaches to studying political processes in the Islamic world. The author underlines the necessity to change them after the events of the so-called "Arab spring". The emphasis is put on analyzing research potential of two traditional approaches to political studies of the Islamic world. Firstly, it is a universalist approach. Secondly, it is a civilizational approach. The author gives their historical background and analyzes up-to-date condition. Besides, the author touches upon some new approaches, for example, logical conceptual. The result of the study is the author's approach implying the analysis of madhhab as a basis for political changes.

Key concepts:
political islam,
shiah,
sunni,
DAESH,
«Arab spring»,
madhhab,
universalist approach,
world-systems approach,
civilizational approach,
logical conceptual approach.